

ПЮРБЕЕВ Г. Ц.

ОБ АКТУАЛЬНОСТИ ТИПОЛОГИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ СИНТАКСИСА ПРЕДЛОЖЕНИЯ МОНГОЛЬСКИХ ЯЗЫКОВ

За последние десятилетия в советском и зарубежном монголоведении проделана значительная работа по изучению грамматического строя литературных монгольских языков и их диалектов, а также языков и говоров монгольских народностей Китая и монгольского языка в Афганистане [см. 1, 2]. Определенные успехи достигнуты в описании особенностей языка отдельных памятников старомонгольской письменности и эпических произведений¹. Тщательному лингвистическому анализу подверглись бурятские исторические хроники и родословные. Необходимость разработки лингвистических основ преподавания монгольских языков в учебных заведениях различного типа, дальнейшее повышение роли русского языка как межнационального и международного языка выдвинули задачу широкого сопоставительного изучения монгольских языков. В связи с этим появился ряд серьезных работ контрастивного характера. Монголистика располагает уже крупными исследованиями в области функциональных стилей литературных языков и социолингвистики. Постепенно создаются необходимые предпосылки для разработки вопросов истории конкретных монгольских языков² и написания сравнительно-исторической грамматики монгольских языков.

Несмотря на довольно обширную литературу по грамматике монгольских языков, наименее изученным продолжает оставаться раздел синтаксиса. Приходится также констатировать, что структура синтаксических единиц монгольских языков изучена далеко не одинаково. Лучше всего исследован синтаксис простого предложения. В новейших работах, главным образом диссертационных исследованиях, посвященных анализу простого предложения, все больше уделяется внимания коммуникативным аспектам: ритмо-мелодической организации, интонационной характеристике, структурным схемам и моделям. Характерным становится обращение к идеям и методам современного теоретического синтаксиса. Так, например, в области простого предложения монгольского языка уже используются приемы парадигматического, семантического и трансформационного синтаксиса, а также актуального членения.

Вопросы сложного предложения наиболее полное и последовательное освещение получили в основном на материале бурятского, калмыцкого и халха-монгольского языков. Известным препятствием на пути к изучению сложного предложения явилось широко распространенное мнение о слабой представленности в монгольских языках союзных средств связи. Новейшие исследования показывают, что в современных монгольских литературных языках имеется значительное число союзов, союзных слов и сочетаний. Количественный рост регулярных средств выражения синтаксических отношений служит своеобразным индикатором усложнения синтаксиса монгольских языков.

Сложившаяся практика описания синтаксиса монгольских языков показывает, что область сложного предложения, особенно сложноподчиненного, нуждается в дальнейшей разработке, в привлечении свежих

¹ В этом отношении большую научную ценность представляют монографии, посвященные грамматической характеристике «Алтан тобчи» и лингво-текстологическому анализу эпоса «Джангар» [см. 3, 4].

² Первым опытом исследования такого рода является монография В. И. Рассадина, рассматривающая узловые проблемы исторической фонетики бурятского языка [5].

материалов и более тщательном их лингвистическом анализе. Требуют основательного изучения не только способы формальной организации различных структурных типов сложных предложений, но и особенности их семантической и стилистической реализации. Существующие исследования не учитывают должным образом характера современного состояния литературных монгольских языков, испытывающих, с одной стороны, влияние обиходно-разговорной речи, а с другой, стремящихся в условиях общего расширения их коммуникативных функций к максимальной гибкости и маневренности. Кроме того, синтаксические факты монгольских языков изучаются изолированно, они не рассматриваются в свете общих проблем сравнительно-исторического и типологического изучения групп языков.

Интенсивное развитие современной науки о языке вызвало к жизни целый ряд лингвистических направлений, значительно расширив проблематику исследования строя различных языков [6]. В этой ситуации приобретает особую важность разработка вопросов, связанных с типологическим сравнением, устанавливающим общее и своеобразное в разных языках, независимо от того, родственные они или нет, смежные или несмежные по территории. Типологический подход к описанию не исключает, а, наоборот, обязательно предполагает такую категорию, как «специфичность отдельного языка», которая в противоположность универсалии называется уникалией [7].

Одна из основных задач типологических исследований заключается в выявлении таких универсалий, различные способы реализации которых в конкретных языках могут служить основанием для типологической классификации языков [8, 9]. Как известно, для типологической характеристики языков используются не только различия в структуре слова (техника, способ объединения морфем в составе слова, степень синтетизма), но и различия в структуре предложения. Например, в монгольских языках, относящихся к синтетическо-агглютинативному типу языков, синтаксические группы, состоящие из однородных членов, оформляются единым надежным аффиксом, присоединяемым к последнему слову. По этому же принципу придаточные предложения однородного состава также оформляются единым групповым союзом, а несколько сказуемых сопровождаются одной общей связкой при последнем из них — заключительном. Другим диагностирующим признаком структуры предложения монгольских языков является порядок слов «определение + определяемое». С соблюдением этого нормативного порядка слов связана и конечная, или правая маргинальная, позиция сказуемого в предложении.

За последние годы изучение языков различной типологии подвинулось достаточно далеко. В настоящее время типология становится фундаментальной лингвистической дисциплиной, ориентированной на познание общих закономерностей развития грамматических, лексических, семантических категорий и их систем [10]. Важнейшим условием всякого типологического исследования считается принцип сравнения не единичных, а целостной системы, например, синтаксиса, морфологии, фонетики, а также инвентаризация тех закономерных фактов, которые могут быть определены как универсалии. Для систематизации дифференциальных признаков при типологическом сравнении признается необходимым разграничивать уровни языка. Поскольку типология языковых явлений может изучаться как в плане алломорфизма, так и в плане изоморфизма, то в последнем случае устанавливаются некоторые универсальные закономерности или тенденции языковой эволюции. В современных типологических исследованиях особое внимание уделяется общим теоретическим проблемам: уточнению целей и задач, определению границ и возможностей применения типологического метода, приемам анализа материала, включая вопросы, связанные с выделением единиц типологического сходства и различия. С этими направлениями и тенденциями связано и обращение к типологии родственных языков: славянских, германских, романских, тюркских и др. Как известно, рассмотрение языков возможно в синхронном или диахронном аспектах. Современная типо-

логия прежде всего сравнивает языки в их синхронном состоянии, что не исключает сравнения фактов, относящихся к различным периодам истории языка.

Возможность применения типологического метода к отдельным уровням монгольских языков была впервые продемонстрирована Г. Д. Санжеевым. В частности, он отмечал, что «такие монгольские языки, как дунсянский, монгорский, баоаньский и могольский, по отсутствию в них сингармонизма, утраченного под влиянием тибето-китайского и иранского языков, типологически как бы выходят за рамки монгольских языков вообще» [11, с. 81]. Современный калмыцкий язык, а также язык ойратов МНР и Китая (Синьцзян), «сохраняя древнемонгольский тип, по отсутствию явлений губного притяжения противопоставляются всем прочим монгольским языкам, что особенно проявляется на качестве долгих гласных: калм., ойр. *долан* <долууан „семь“, бур. *долбн*, халх. *долб*» [11, с. 91]. В еще большей степени, по мнению Г. Д. Санжеева, можно говорить о применении данного метода при изучении явлений личной предикации в монгольских языках.

Характерной чертой грамматики монгольских языков является наличие широко развитой системы синтетических и аналитических видо-временных форм глагола, однако тенденция к их пополнению проявляется в каждом из них весьма своеобразно. Ц. Б. Цыдендамбаев указывает, что в бурятском языке развитие категории глагольного времени идет по линии создания аналитических форм, дифференциации значения некоторых времен и обогащения состава предикативно-финитных форм. Выявились также значительные расхождения в количестве видов, средствах их выражения и отклонения в значениях видо-временных форм монгольских языков [12].

Приведенные выводы и положения имеют важное значение и для синтаксической типологии монгольских языков. Типологический подход к рассмотрению синтаксических явлений и фактов близкородственных — калмыцкого, бурятского и халха-монгольского языков является актуальным и новым для монголистики. Синхронно-типологический анализ структуры предложения монгольских языков позволил выявить признаки, характеризующие общемонгольские черты в их построении, и явления идиоэтнического порядка, т. е. специфичные для одного или двух из сравниваемых языков, а также сделать некоторые выводы общего и частного порядка [см. 13].

Близкородственные языки, каковыми являются рассматриваемые нами калмыцкий, бурятский и халха-монгольский, сохраняя в силу генетической общности большое типологическое единообразие, в то же время обнаруживают более или менее существенные структурные различия. Эти расхождения обусловлены, с одной стороны, особенностями внутреннего развития грамматической системы каждого из сравниваемых языков, а с другой, спецификой культурно-исторических условий их эволюции, инновациями, возникшими на почве неоднородного характера языковых контактов. Алломорфные явления, характеризующие родственные монгольские языки, определяются в известной мере их неодинаковым коммуникативно-функциональным статусом и соответственно разной степенью применения литературного языка. Структурно-типологические несовпадения между указанными языками вызываются также применением разных средств для выражения одного и того же значения, различным синтаксическим использованием тех или иных форм. По справедливому замечанию Р. А. Будагова, синтаксис двух родственных языков обычно во многом бывает несходным даже тогда, когда морфологически эти языки мало чем отличаются друг от друга [14]. Например, в исследуемых литературных монгольских языках модель глагольного предложения со сказуемым — временной формой с афф. *-на* характеризуется тем, что она в калмыцком и монгольском имеет значение будущего действия, а в бурятском — значение настоящего расширенного или настоящего ограниченного времени. Ср. калм. *би йовна -в*, монг. *би явна* «я пойду» и бур. *би ябана-м* «я иду».

Синтаксическая дифференциация моделей предложения в родственных монгольских языках зачастую объясняется количественными расхождениями в морфологических средствах выражения сказуемого. Так, исключительно в бурятском языке встречаются модели глагольных предложений, сказуемое которых представлено формами: заведомо прошедшего времени с афф. *-нхай*; настояще-прошедшего времени с афф. *-аа*, *-ая*, *-гаа*; формами желательного наклонения с показателем *-уужаб*, *-гуужаб*; специфическими видовыми формами со значением мгновенности, ограниченности и внезапности совершения действия на *-рхи*, *-хи*, *-хада*, *-пта*, *-иа*, *-сагаа*.

Существенной чертой бурятского языка в построении отрицательных предложений является то, что в них сказуемое в формах изъявительного наклонения с афф. *-на* и *-ба* регулярно принимает частицу *-гуй* «не, без, нет», тогда как в калмыцком и халха-монгольском такое построение невозможно. Для бурятского синтаксиса является обычным широкое употребление модели посессивного предложения, в котором сказуемое выражается причастием будущего времени с частицами субъектного притяжания *-ха-ми*, *-ха-шни*, *-ха-нь*. В монгольском и калмыцком языках действие данной модели довольно ограничено, причем она встречается только с показателем субъектного притяжания *нь* (*-нь*): монг. *бороо орох нь* «дождь пойдет»; калм. *гертэнх эрхнь* «пойти бы домой». Как видно из примеров, монгольская форма *-х нь* и калмыцкая *-хнь* реализуют разные значения: первая имеет значение будущего времени изъявительного наклонения, а вторая — значение сослагательности. На фоне других близкородственных языков бурятский язык очень рельефно выделяется довольно регулярным согласованием определения и определяемого, унаследованным от языка памятников старомонгольской письменности. Ср. *том нюдэн* «большой глаз» и *томонууд нюдэд* «большие глаза». Кроме того, в бурятском языке нередко встречается согласование в числе главных членов предложения: *нюдэдынь ялалзанад* «глаза его (ее) блестят».

В монгольском и калмыцком языках нет такого типа согласования, а есть лишь факультативная корреляция, когда сказуемое выражается глагольной формой на *-цгаа* и *-цха*. Ср. монг. *тэд явцгаалаа* «они пошли» и *тэд явлаа* «они пошел»; калм. *хөөчир ирцхэв* «чабаны пришли» и *хөөчир ирв* «чабаны пришел». Существенно заметить, что вариант предложения со сказуемым в форме «множественного числа» повествует о событии с некоторой непринужденностью, как о чем-то обыденном.

Только в калмыцком языке встречается модель предложения, сказуемое которого передается формой на *-жана*, *-чана* и *-лу*, *-лү*, обладающей по сравнению с общемонгольской формой на *-лаа*, *-лай* более ярким экспрессивно-модальным значением и в заведомо подчеркнутом тоне сообщаящее о действии. Ср. калм. *Би чамд бичлэв* «Я тебе писал» и *Би чамд бичлү* «Я ведь писал тебе». Весьма примечательно, что в калмыцком языке указательные местоимения *эн* «этот», *тер* «тот», известные во всех монгольских языках в функции личных местоимений 3-го лица, часто употребляются в качестве замыкающего элемента сказуемого. Это явление лишь изредка наблюдается в современном монгольском языке. Ср. пример из калмыцкого: *Иим ухата элч хэртэ хаанд церглэжэдго болж эн* «Такой умный посол не будет служить у глупого хана»; монг. *Энэ чинь галзуурах нь энэ* «Он взбесился что ли?».

По словам Н. З. Гаджиевой, в тюркских языках до сих пор существует тенденция использовать в качестве показателя сказуемости местоимения 3-го лица *ул*, *ол* «он» [15]: башк. *Хасэн язусы ул* «Хасан — писатель» (букв. «Хасан — писатель он»), тув. *Мал хавуда чор ол* «Скот пасется на пастбище» (букв. «Скот на пастбище пасется он»).

В калмыцком, бурятском, а также в некоторых других монгольских языках (дагурском, могольском), в отличие от халха-монгольского, все изъявительные, причастные формы, а также именные части речи в сказуемой позиции оформляются лично-предикативными частицами. С другой стороны, имеет место типологическое сходство двух языков и, следовательно, противопоставление их третьему члену сравниваемой группы языков. Например, бурятский и халха-монгольский языки объединяются

по наличию в них модели предложения, сказуемое которого выражается повелительно-наставительной формой на *-аарай*, *-гаарай*, отсутствующей в калмыцком языке. Обращает на себя внимание и тот факт, что модели предложений монгольских языков не всегда однородные в применении связочных средств и модальных частиц. Определенное своеобразие монгольских языков проявляется также в реализации категории модальности и порядка слов в предложении.

Результаты проведенного анализа целесообразно обобщить в виде группы синтаксических универсалий и уникалий, представляющих собой номенклатуру типологических фактов, т. е. номиналий. Типологические номиналии — это действительные и закономерные в своем проявлении признаки-координаты, которые являются определяющими для той или иной языковой системы. Руководствуясь критерием всеобщности и частоты встречаемости, мы выделяем в монгольских языках четыре типа синтаксических универсалий и уникалий, свойственные каждому языку в отдельности. Общеизвестно, что четких границ между абсолютными универсалиями, с одной стороны, и почти универсалиями (доминантами) и фреквенталиями нет, а, с другой стороны, любая шкала типологических номиналий не охватывает исчерпывающим образом все типичные явления разных языковых уровней [16]. Учитывая неодинаковую представленность языковых явлений и существование различного рода исключений, мы сосредоточили внимание лишь на самых важных строевых признаках синтаксиса монгольских языков.

При установлении названных выше типологических номиналий мы исходили из общих и частных закономерностей в развитии синтаксической структуры рассматриваемых монгольских языков, а также из теоретических разработок по типологии разных языков. Ниже приводится номенклатурный перечень закономерных типовых явлений, стратифицированных по степени их представленности в синтаксисе литературных монгольских языков.

А б с о л ю т н ы е у н и в е р с а л и и. К разряду абсолютных, иначе полных, лингвистических универсалий обычно относят такие явления, которые имеют всеобщий характер или во всяком случае известны во многих языках мира. Существование их объясняется единообразием способов представления внутрисистемных связей тех или иных языковых категорий. В области синтаксиса монгольских языков также наблюдается ряд закономерных явлений и тенденций, которые выходят далеко за рамки монгольской генетической общности языков. К ним относятся следующие.

1) Тенденция инновационного характера, связанные с улучшением языковой техники, обогащением и качественным обновлением синтаксической структуры вообще. Наглядным подтверждением этой универсальной тенденции в синтаксисе монгольских языков является возникновение новых связующих элементов на базе местоименных слов, наречий, частиц и т. д.; постоянное пополнение состава союзных сложных предложений; увеличение числа подчинительных конструкций индоевропейского типа, в частности предложений с соотносительными союзными словами; усиление роли имени в сфере предикации, что находит свое выражение в появлении неполных предложений с эллиптированным глаголом-сказуемым и широкое распространение назывных предложений; стремление к максимальному использованию грамматической и стилистической роли порядка слов, вызванное усложнением общественных функций литературных монгольских языков и общими изменениями в самом характере коммуникации; количественный рост конструкций с безличным значением.

2) Существование в монгольских языках двух способов развития сложного предложения: первый путь — развитие подчинения из сочинения (об этом свидетельствуют конструкции с синкретичными союзами), второй — изнутри простого предложения через причастные и деепричастные обороты с собственным субъектом.

3) Построение в одной и той же ситуации двух разных предложений при единстве их лексического состава. Ср. калм. *Багш бичг бичжэнэ*

«Учитель пишет письмо» и *Бичг багшар бичгэджэнэ* «Письмо пишется учителем».

4) Использование значений дательного-местного и исходного падежей для выражения одновременности двух действий (зависимого и основного), например, калм. *һал түлснэс* (исх. п.) *герт дулан боле* «Оттого что развели огонь, в юрте (доме) стало тепло»; *Намаг наачахд* (дат.-местн. п.) *Үүрм-гүүж, ирв* «Когда я играл, прибежал мой друг». Такое явление распространено во многих агглютинативных языках.

5) Наличие специального падежа прямого объекта, так называемого винительного оформленного: калм. *Бадм-ыг дуудв* «Позвали Бадму».

6) Присоединение падежных аффиксов только к последнему слову в синтаксических группах, состоящих из однородных членов: калм. *хан ноёдуд-ин* (род. п.) *көвүд* «ханские и княжеские сынки».

7) Употребление сравнительных конструкций, где предмет, с которым что-нибудь сравнивается и который обладает тем или иным признаком в меньшей степени, ставится в исходном падеже: монг. *Эн морин тэр мориноос* (исх. п.) *хурдан* «Этот конь быстрее того коня».

8) Универсальность функции интонации, которая осуществляет а) общую дифференциацию одинаковых по структуре и составу предложений по целевой установке (вопрос, сообщение, побуждение); б) частную коммуникативно-смысловую и модально-экспрессивную дифференциацию вариантов одного и того же предложения.

У н и в е р с а л и и - д о м и н а н т ы. В отличие от предыдущей группы инвариантных признаков данный тип универсальной характеристики, обладая высокой статистической вероятностью, действует главным образом в пределах близких языковых систем, в нашем случае в языках агглютинативного строя. В границах одной генетической группировки, например, монгольской и тюркской, универсалии-доминанты почти не знают исключений. Являясь оптимальным выражением конкретной языковой системы, они способствуют эффективному выполнению ее функций. Итак, укажем некоторые закономерные универсалии-доминанты, превалирующие в строе предложения монгольских языков и как бы «настраивающие» их синтаксическую систему в целом: 1) замещение причастиями и деепричастиями аналитического финитно-союзного способа синтаксической зависимости компонентов сложных предложений; 2) возникновение подавляющего большинства придаточных предложений из прямой речи, связывающихся с главным при помощи различных форм речевого глагола *гэ-* (калм. *ги-*); 3) существование трех типов сложных конструкций с неличными формами глагола: моносубъектных, разносубъектных и вариативно-субъектных [17]; 4) функция интонации, разграничивающей отдельные члены предложения (например, определение или определительную группу от подлежащего) и устанавливающей тему и рему сообщения; 5) различие трех степеней достоверности высказывания и соответственно трех видов модальных значений: модальности простой достоверности, модальности проблематической и категорической достоверности [18]; 6) выражение модальных значений аналитическим и синтетическими способами: сочетаниями форм основного и вспомогательного глаголов, лексическими показателями, наклонениями и частицами; 7) увеличение длительности звучания последнего гласного в интонационно выделяемом слове служит одним из способов реализации субъективно-модальных значений; 8) сведение количества возможных порядков членов предложения к двум основным: S — O — P и O — S — P; 9) употребление связочного глагола при последнем сказуемом, 10) препозиция определения по отношению к определяемому; 11) крайне правое маргинальное положение сказуемого; 12) наличие послелогов, управляющих падежными формами имени, причастий и выражающих различные синтаксические отношения (причинные, целевые, временные и т. д.).

Ф р е к в е н т а л и и. Универсалии этого рода имеют ограниченное действие и представляют однотипный по своему характеру процесс, дающий одинаковые результаты, проявляющиеся с достаточной степенью частотности в различных языках мира. Так, например, в монгольских и тюркских

языках, как и в истории многих языков мира, союзы и союзные слова в своем большинстве возникли из местоимений, наречий, акцентирующих частиц и т. д. В истории различных языков, в том числе монгольских, наблюдается одинаковый по своей сущности и результатам процесс развития личных глагольных форм из причастий. Некоторые формы индикатива в монгольских языках являются по своему происхождению отглагольными именами, т. е. причастиями. Это подтверждается, например, историей развития бурятских изъявительных форм на *-аа*, *-ээ* (*ерээ* «пришел» < «пришедший», *ябаа* «ушел» < «ушедший») и *-нхай* (*уншанхай* «прочитал» < «прочитавший», *мэдэнхэй* «узнал» < «узнавший»). Ср. также причастие на *-х*, которое замещает форму будущего времени индикатива и принимает показатели лица/числа в бурятском и калмыцком языках: *ерэхэ + б* (калм. *ирх-в*) «приду» < «придущий + я»; *ерэхэ + бди* (калм. *ирх-вдн*) «придем» < «придущие + мы». Такого рода явления свидетельствуют о существовании в монгольских языках диахронических фреквенталий. Как уже отмечалось, для универсалий типа фреквенталий характерны отклонения от правил абсолютной распространенности. Так, например, в монгольских языках объект, как правило, ставится после субъекта. Однако данная универсалия не всегда выдерживается. Порядок слов *О — S — P* нарушает указанное правило. Кроме того, возможны и другие комбинации порядка слов. Так, предпозиция глагола-сказуемого имеет место в вопросительных и повелительно-побудительных конструкциях, а также в предложениях, где подлежащее сопровождается специальным показателем, а дополнение морфологически оформлено. Постсказуемость могут занимать не только прямые и косвенные дополнения, но и обстоятельства. При строгом осуществлении порядка слов «определение + определяемое» глагол в предложении монгольских (шире агглютинативных) языков может занимать не только конечную позицию. Еще А. Бобровников отмечал, что подлежащее, выраженное личными и указательными местоимениями, «часто полагается после глагола» [19]. Известно, что в монгольских языках, где действует механизм агглютинации, отсутствуют типичные для флективных языков придаточные предложения. В них, как правило, функционируют их смысловые эквиваленты в виде развернутых членов — причастных и деепричастных оборотов. Однако в современных литературных монгольских языках, особенно калмыцком и бурятском, получают значительное развитие придаточные предложения европейского типа. В связи с этим ограничивается действие фреквенталий, гласящей о том, что языки ярко выраженного агглютинативного типа отличаются неразвитостью союзов. В литературных монгольских языках начинает прогрессировать финитно-союзный способ соединения частей сложноподчиненного предложения. По этой причине господство паратаксиста или простого предложения, осложненного оборотами, постепенно идет на убыль. Другой типичной для монгольских языков фреквенталией является наличие лично-предикативных частиц, присоединяемых к именам и глаголам в сказуемой позиции. Здесь тоже имеются исключения: эти «синтаксические» частицы свойственны не всем монгольским языкам. Они встречаются лишь в калмыцком, бурятском, дагурском и могольском языках. В сложносочиненном предложении союзы и союзные слова открывают вторую часть, располагаясь главным образом в самом ее начале. В сложноподчиненном предложении связующие элементы помещаются в конце первой части, как бы замыкая ее. Исключения составляют расчлененные союзы и союзные слова типа *хэрэв... бол* «если... то», *хэн... тэр* «кто... тот».

Р е ц е с с и в ы. Универсальные явления не всегда обладают свойством одинаковой распространенности. Даже в пределах одной группы и семьи языков универсалии действуют по-разному. В разряд рецессивов включаются универсалии, на которые языковая система накладывает еще большие ограничения, чем на фреквенталии. Имея характер закономерных фактов, рецессивы могут существовать не во всех языках одной и той же генетической общности. Например, только в калмыцком и монгольском языках имеет место корреляция надежных форм субъектного имени и фор-

мирующего члена конструкции — причастия по формуле: а) $S_{\text{вин.п.}} \leftrightarrow P_{\text{вин.п.}}$; б) $S_{\text{род.п.}} \leftrightarrow P_{\text{род.п.}}$. В этих же языках допускается вариантное употребление падежной формы субъектного имени в причастных конструкциях (аккузатив, генитив, номинатив). Контаминация винительного и родительного падежей с именительным влечет за собой номинативизацию субъектного имени генитивных и аккузативных оборотов, создавая тем самым предпосылки для перехода абсолютных оборотов в предложения. Данный процесс происходит в калмыцком и халха-монгольском языках. Следует отметить, что формы глагола *гэ-* в монгольском и бурятском языках могут употребляться не только в сложноподчиненном предложении, но и в сложносочиненном. В калмыцком исключение составляет одна форма *гивчи* (ср. монг. *гэвч*, бур. *гэбшыье*) «но, однако, зато». В монгольском и бурятском языках существует возможность удвоения или парного употребления формы *гэ-* в функции союза. Ср. монг. *гэх гэсэн*, *гэлээ ч гэсэн*; бур. *гэбэл гэхээр*, *гээшэб гэбэл* и т. д. С другой стороны, в калмыцком и бурятском языках можно встретить объектные и определительные придаточные предложения с соотносительными местоименными словами. Придаточные предложения, занимая препозицию в отношении главного, иногда могут находиться в рассматриваемых языках в интерпозитивном (сравнительные, квалификативные, уступительные) и постпозитивном (причинные, риторические) положениях. В предложениях монгольских языков наблюдаются случаи совмещения двух показателей модальности, например, модального слова и модальной частицы. Только в литературном монгольском и бурятском языках встречаются предложения с книжным союзом *ба* «и, да».

У н и к а л и и. Языковые закономерности могут быть строго локализованными и выступать в качестве специфически внутренних признаков и свойств какого-нибудь языка. В близкородственных языках также имеются уникальные явления, присущие только одному из них. Относительно синтаксиса монгольских языков можно сказать, что он характеризуется наличием целого ряда конкретных фактов, показательных отдельно для бурятского, калмыцкого и собственно монгольского языков. Представляется важным дать список уникалий по каждому языку в отдельности.

Б у р я т с к и й я з ы к: 1) наблюдается более или менее регулярное согласование определения и определяемого; 2) имеет место согласование сказуемого и подлежащего в числе; 3) распространены модели предложений, сказуемые которых выражены глагольными формами на *-аа*, *-нхай*, *-уужаб*, *-рхи*, *-хада*, *-нта-*, *-ша-*, *-сагаа-*; 4) характерным является наличие отрицательных предложений, сказуемое которых представлено изъявительными формами с аффиксами *-на*, *-ба*, принимающими частицу *-гуй*; 5) широко употребительны предложения посессивной конструкции, в которых сказуемое причастие будущего времени сопровождается частицами субъектного притяжания; 6) типичную черту бурятских предложений составляют модальные частицы *аал*, *аалта*, *аабы*, *аабза*, *бишуу*, *хайш*, а также вопросительная частица *гү*; 7) в составе предложений выступают такие лексические показатели модальности, как *хэбэртэй*, *гээшилтэй*, *назаатай*, *бодот*, *бодот хэрэг дээрэ*, *заатагуй*, используемые в целях указания на разную степень достоверности сообщения; 8) только в бурятских предложениях функционируют частицы-союзы *аад*, *наа*, *хадна*, *хадань*, *үшөө*; 9) союзы *ба*, *болон*, *болоод* используются исключительно для связи однородных членов предложения; 10) субъект причастных оборотов обязательно оформляется родительным падежом.

К а л м ы ц к и й я з ы к: 1) в сфере калмыцкого синтаксиса функционируют предложения со сказуемыми в форме глаголов с аффиксами *-жана*, *-чана*, *-лу*, *-лү*, *-лус*, *-лүс*; 2) индивидуальной особенностью калмыцких предложений является употребление в их структуре союзов *эс гижэ*, *зуг*, *зугл*, *кемр*, *кемржэн*, *тер бийнэ*, частиц-союзов *нам*, *таиш*; 3) специфическими средствами модальности выступают слова *кетэ*, *бээдлтэ*, *билтэ*, *алдлата*, *эркбиш*; 4) указательные местоимения *эн* «тот», *тер* «тот» часто используются в качестве финального элемента сказуемого с целью его логического выделения; 5) для калмыцких предложений харак-

терны присказуемые частицы *санжэ* (*сэнжэ*), *-мжэ*, *-лм*, *-хн* и др., передающие утвердительно-модальные оттенки; 6) употребляются отрицательные предложения, в которых сказуемое-причастие будущего времени присоединяет частицу отрицания *-ш*; 7) эмфаза конечного гласного в глаголе-сказуемом вызывает различия в характере сообщения (простая и заведомо подчеркнутая констатация события). Ср. *ирвэ* «пришел», но *ирвэ* «пришел же»; 8) звуковая организация калмыцкой фразы отличается сильной редукцией гласных непервых слогов.

Монгольский язык: 1) в литературном языке широко употребляются сложные предложения с сочинительными и подчинительными союзами, представляющими деепричастные формы архаических глаголов *а-*, *бэ* «быть, наличествовать»; 2) особенно характерны сложные предложения с парными синонимическими союзами типа *боловч харин, гэвч харин, аль асхул, аль эсвэл, буюу эсвэл, гэлээ ч гэсэн* и т. д. Имеются случаи, когда за парным сочинительным союзом следует подчинительный, например, *гэлээч гэсэн хэрэв...* Ср. соответствующие по значению русские союзы *однако, если, но если...*; 3) имеются простые и сложные предложения с такими специфическими союзами, как *хийгээд, буюу, мөртөө, төдигүй, төдий биш, хичнээн... төчнөөн* и др.; 4) в зависимой части сложных конструкций встречаются субъектные обороты с попутным, предварительным и причинным деепричастиями; 5) типичными являются предложения с модальными словами *чухам, чухамдаа, дамжиггүй, мэдээжийн хэрэг*, подчеркивающими степень достоверности действия и предложения с присказуемыми частицами *даа, сан, даг, шүү*, выражающими утвердительно-модальные оттенки; 6) существуют предложения с препозитивной приглагольной частицей отрицания *ул* и предложения со сказуемым в форме повелительно-желательного наклонения с частицей запрета *буу*; 7) в качестве показателей подлежащего используются частицы *гэгч, болбол, бол, чинь, минь, маань*; 8) в монгольском языке эмфаза гласного в последнем слоге глагола-сказуемого всегда является знаком восклицательного предложения.

З а к л ю ч е н и е. Наша классификация типологических номиналий имеет своей главной целью систематизацию и первичное обобщение закономерных явлений в области синтаксиса монгольских языков и отнюдь не претендует на их полный охват. Как известно, всякая лингвистическая универсалия, основываясь на части обнаруженных фактов, экстраполируется на более широкое поле объектов. Кроме того, синтаксические универсалии носят менее строгий характер, чем, например, морфологические или фонетические. Установленные нами четыре типа универсалий, действующих в синтаксической системе монгольских языков, характеризуются разной степенью встречаемости. Распределение синтаксических универсалий по определенным группам помогает, на наш взгляд, поставить в связь разные признаки, существенные для типологии предложения, и показать корреляции морфологии и синтаксиса. Типологические сведения, касающиеся синтаксиса монгольских языков, могут ориентировать типологов в их исследованиях универсалий и в нахождении исключений к универсалиям [20].

Исследование синтаксиса предложения близкородственных монгольских языков убеждает нас в возможности их типологического анализа и доказывает, что генетическое родство языков не предопределяет автоматически их структурного сходства. Учет синтаксических совпадений и несоответствий в группе монгольских языков имеет важное значение для построения синтаксической типологии алтайских языков [21].

ЛИТЕРАТУРА

1. Дарбеева А. А. Монгольские языки.— В кн.: Советское языкознание за 50 лет. М., 1967, с. 276—284.
2. Биткеев П. Ц. Языкознание в МНР за 60 лет.— ВЯ, 1982, № 6.
3. Орловская М. Н. Язык «Алтан тобчи». М., 1983.
4. Тодаева Б. Х. Опыт лингвистического исследования эпоса «Джангар». Элиста, 1976.
5. Рассадил В. И. Очерки по исторической фонетике бурятского языка. М., 1983.

6. *Ярцева В. Н., Колшанский Г. В., Степанов Ю. С., Уфимцева А. А.* Основные проблемы марксистского языкознания: Докл. на Всесоюзной научн. конф. по теоретическим проблемам языкознания. М., 1974, с. 3.
7. *Вардуль И. Ф.* Несколько замечаний в связи с универсалиями.— В кн.: Семиотика и восточные языки. М., 1967, с. 111.
8. *Панфилов В. З.* Философские проблемы языкознания. Гносеологические аспекты. М., 1977, с. 110.
9. *Панфилов В. З.* О задачах типологических исследований и критериях типологической классификации языков.— ВЯ, 1969, № 4.
10. *Климов Г. А.* Типологические исследования в СССР (20-е—40-е гг.). М., 1981, с. 3—5.
11. *Санжеев Г. Д.* Сравнительно-исторические и типологические исследования в алтаистике.— В кн.: Лингвистическая типология и восточные языки. М., 1965.
12. *Цыдендамбаев Ц. Б.* Грамматические категории бурятского языка в историко-сравнительном освещении. М., 1979, с. 127—139.
13. *Пюрбеев Г. Ц.* Синтаксис сложного предложения монгольских языков (синхронно-типологическое исследование): Автореф. дис. на соискание уч. ст. докт. филол. наук. Л., 1983.
14. *Будагов Р. А.* К теории сходств и различий в грамматике близкородственных языков.— ВЯ, 1980, № 4, с. 8.
15. *Гаджиева Н. З.* Основные пути развития синтаксической структуры тюркских языков. М., 1973, с. 29.
16. *Чекман В. Н.* Исследования по исторической фонетике праславянского языка. Типология и реконструкция. Минск, 1979, с. 23, 36.
17. *Скрибник Е. К.* Способы выражения субъекта в системе зависимой предикации (на материале бурятского языка): Автореф. дис. на соискание уч. ст. канд. филол. наук. М., 1980.
18. *Пюрбеев Г. Ц.* Категория модальности и средства ее выражения в монгольских языках.— ВЯ, 1981, № 5.
19. *Бобровников А.* Грамматика монгольско-калмыцкого языка. Казань, 1849, с. 234.
20. *Рождественский Ю. В.* Типология слова. М., 1969, с. 243.
21. *Fokos-Fuchs D.* Rolle der Syntax in der Frage nach Sprachverwandtschaft. Wiesbaden, 1962, S. 7.